

parim, -а переводится как 'самый лучший, наилучший'. Венг. *szemet* 'ягода (входящая в гроздь)' (с. 405) — в действительности *sze-mét* имеет следующие значения: 1. мусор, сор; 2. помойка; мусорная куча; мусорная яма; 3. подорожник; 4. отбросы, отребье.

Касаясь упомянутых Г. Миллером («Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, как-то: черемись, чувашь и вотяковъ, съ показательствомъ ихъ жительства, политическаго учреждения, тѣлесныхъ и душевныхъ дарований и проч.» (С.-Петербургъ 1791)) марийских антропонимов. С. Я. Черных несколько искажил название книги.

Несмотря на отмеченные неточности, дополнения и поправки, а также замечания теоретического характера, очевидно, что рецензируемый словарь представляет собой значительное явление в марийской лексикографии. Он содержит ценный материал об особенностях марийских личных имен. Поэтому с уверенностью можно сказать, что словарь войдет в научный обиход как лексикографический источник при исследовании проблем исторической ономастики, ономастиологии, семантики, решение которых нельзя откладывать в долгий ящик ввиду их важности для уралистики.

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

З. Кротов, Удмуртско-русский словарь, Ижевск 1995 (серия «Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие»), 308 с.

<https://doi.org/10.3176/lu.1999.1.10>

Удмуртским институтом истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук в серии «Памятники культуры Удмуртии. Лингвистическое наследие» в 1995 году выпущен рукописный двуязычный удмуртско-русский словарь Захария Кротова (1785 г.), содержащий около 5000 слов.

Словарь опубликован на основе копий путем двойного ксерокопирования и ретуширования. В свое время эти копии были любезно предоставлены институту кандидатом филологических наук Т. И. Тепляшиной, которая будучи старшим научным сотрудником сектора финно-угорских языков Института языкознания АН СССР (ныне РАН), в течение нескольких лет изучала памятники удмуртской письменности XVIII века.

Книга открывается «Словом от автора» (отв. редактор Л. Е. Кириллова), где вкратце описываются мотивы, которыми руководствовался автор, приступая к составлению словаря — к такой кропотливой и ответственной работе.

Члены редакционной коллегии сочли целесообразным включить в книгу статью Т. И. Тепляшиной «Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова», хотя согласны и не со всеми положениями этой статьи. Т. И. Тепляшина проводит тщательный анализ словаря, рассматривает основы графики, фонетические и лексические его особенности.

Далее помещен собственно «Краткой вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ». Как уже отмечено, в словаре около 5000 слов, он состоит из 286 пронумерованных страниц. Слова расположены в два столбца.

В рукописи имеется небольшое предисловие, в котором для лучшего ознакомления с грамматическим строем удмуртского языка предлагается обратиться к книге «Сочинения принадлежащая к грамматикъ вотскаго языка» (1775 г.). В предисловии указывается также, что если в грамматике «вотскаго» языка (1775 г.) «найдутся правила мало сходные или совсем несходные, то причиною тому явится по разности мест вотяков наречие». Это замечание дает повод полагать, что составителю рукописи были известны данные разных удмуртских диалектов, поэтому не приходится удивляться наличию некоторых южноудмуртских слов в рукописном словаре, отражающем главным образом северноудмуртский диалект.

В словаре З. Кротова составитель отмечает принадлежность слова к той или иной части речи. В большинстве даны глаголы и существительные или субстантивированные слова. Глаголы приводятся в форме первого лица единственного числа, рядом указывается спряжение: первое и второе. Принцип отношения к тому или иному спряжению вы-

держан с той лишь разницей, что в современном удмуртском языке они поменялись местами. Например: *абдраско́* 1. спр. 'сомневаться, задумываться'; *адзиско́* 2. спр. 'вижу, кажуся'. В современном удмуртском языке глагол *абдраны* относится ко второму спряжению, а *адзыны* — к первому.

Рядом с существительными и субстантивированными словами составитель приводит суффикс родительного падежа *-лэн*, подчеркивая принадлежность данного слова к этой части речи, например: *адзись лэнь* 'свидетель', *адзёмь лэнь* 'человек', *асушьянь лэнь* 'самохвальство'.

В словаре отмечены также наречия: *аскү или аскы*, нар. 'завтра', *берёнъ* нарчье

'назад', *бура́зь* нарч. 'направо'; союзы: *а* союз 'или, ли', *но* союз 'и', *но* союз 'же'; предлоги (в современном удмуртском языке — послелоги): *азинь* предлог 'перед', *берё* предлог 'по, после', *динё* предлог 'до'; междометия: *ахъма*, междом. 'ах'.

В рукопись включены, хотя и не отмечены, и другие части речи, например, прилагательные: *азь-вьяль-адзись* 'прозраливый', *арьёмь* 'годовалый', *ась кустамъ* 'междоусобный' и т.д.

Изданный труд представляет большой интерес не только для специалистов по удмуртскому и другим финно-угорским языкам, но и для исследователей истории и культуры удмуртского народа.

Е. Б. БЕЛОВА (Ижевск)

Eugen Helimski, *Die matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte unter Mitarbeit von Beáta Nagy, Szeged 1997 (Studia uralo-altaica 41). 475 pp.*

In the Preface of his book E. Helimski claims that, off and on, he has dealt with the research and elaborating of the materials of Mator for over 20 years, essentially working through the manuscript materials in archival funds. But the publishing of the book was induced by Beáta Nagy, who was ready to systematize the word lists and enter them into the computer (p. 3).

Mator (also Motor, Mator-Taigi-Karagass) is an extinct Samoyed language which was still spoken in the first half of the 19th century in west Siberia, around the Sayan Mountains. The Mator language word lists are almost entirely collected and compiled by German and Russian travellers about Siberia. Additional data can be obtained from the neighbouring Turkic languages where some Mator substratum and adstratum as well as place names have been preserved. In the Introduction of his book E. Helimski introduces the division of Mator into three dialects — Mator (proper), Taigi and Karagass — and the approximate area where these dialects had spread (pp. 13–17). At large, it remained southwards from the area of another Samoyed language (pp. 13–

17), the Kamass (also Kamass-Koibal) language. (E. Helimski and myself, as researchers we are also "neighbours" that reflects most expressively in our short surveys on Mator and Kamass, respectively, published in the series of books "Языки мира" (The Languages of the World, see Хелимский 1993; Кюннап 1993). Before the Russian colonisation period the other neighbouring languages belonged to Turkic and Mongol languages, first of all.

According to E. Helimski the Mator settlement remains slightly southwards from the recent Samoyed proto-home. (This area of their proto-home remained inhabited only by south Selkups and Kamasses.) About 2000 years before the Samoyed proto-language was divided into four: north Samoyed, Selkup, Kamass and Mator (pp. 17–18). I don't find it possible to comment on these standpoints because I am too sceptical towards the idea of proto-homes and -languages to do this. I would only mention that based on Kalevi Wiik's hypothesis (Wiik 1996; 1997) I, too, suppose that the Samoyed language form in its earliest place of occurrence could be located in north-east